

Игорь Григорьев

НАБАТ

Стихи о Войне и Победе

*Рабочий журналист
Игорь Григорьев.
28 апреля 1995 г.*

Санкт-Петербург
«Путь»

1995

Григорьев И.Н.

Г83 Набат: Стихи о Войне и Победе.— Санкт-Петербург, «Путь» 1995,— 116 с.

Сын России, поэт и воин Игорь Григорьев в годы Великой Отечественной войны руководил подпольщиками в Плюссе, командовал группой разведки в немецком тылу, партизанил в Струго-Красненском межрайонном подпольном центре, был бригадным разведчиком Шестой ленинградской партизанской бригады. Четырежды тяжело ранен.

Многие стихи написаны в военное лихолетье. «Набат»—двадцать вторая книга стихотворений и поэм Игоря Григорьева.

ISBN 5-87990-004-5

© *И.Н. Григорьев, 1995 г.*

Без объявления

В Пятидесятилетие Великой Победы
Тебе, отец мой Николай Григорьевич Григорьев, Георгиевский Кавалер, ротный командир Первой Мировой войны

и

Тебе, брат мой Лев Николаевич Григорьев, разведчик-партизан Великой Отечественной, отдавший жизнь за скорбное Отечество наше,

посвящаю выстраданный вами «Набат». Да будет вам пухом мать-сыра земля! Спите спокойно: я никогда не отрекусь от России!

Ваш сын и брат Игорь Григорьев.

Из письма разведчика

С днём рождения, дорогой командир! С близким юбилеем нашей Великой Победы!

Нет, наверное, ни одного дня, когда бы я не вспомнил о тебе, о Плюссе, о наших разведчиках, ныне здравствующих и полёгших за горестную Отчизну нашу.

Человек с большой буквы, Игорь Николаевич, я люблю тебя крепкой дружеской любовью. Мне очень не хватает общения с тобой. Ты научил меня, да и плюских ратоборцев, многому:

Непримиримой борьбе со злом—как было в годы войны;

Доброму бескорыстному отношению к людям;

Беззаветному служению своему Отечеству;

Кровной привязанности к родимому краю—малой родине;

Трепетному отношению и жалости к природе, к братьям нашим меньшим, к лесам и травам—ко всему существу;

Огромной любви к своему народу; Способности противостоять бедам и переносить любые невзгоды.

Спасибо тебе за всё, что сделал ты, что ты есть у нас. Береги себя, командир. Успехов тебе во всём. Бог даст—увидимся.

Любящий тебя твой разведчик старшей младшей группы подпольщиков

Николай Никифоров.

Город Златоуст, 17 августа 1994 г.

РАТОВОРЦЫ

Плюским разведчикам

Мои дорогие, мои побратимы,—
Наш виды выдавший отряд!
Не слышно поэм, о которых ретиво
Божился вам пишущий брат.

Вчера вы призвали меня к разговору,
Гордыню мою укротив:
—Забористо, песельник, шастаешь в гору,
Играя на модный мотив.

Теперь ты на Плюссе не жихарь, а дачник—
Гостюешь в родимом дому.
Божился, да, видно, разжился удачник:
Известность! Уж мы ни к чему.—

Тихонько вздохнули, рукою махнули:
—И этот—в кусты от своих...—
Мне ваши крутые укоры как пули:
К земле пригинает от них.

За горькую правду не дюже судите:
Не платят за стих без прикрас.
За рифмы глагольные грех отпустите,
Как раньше прощали не раз.

Мы все на виду кочевали у смерти,
Огнем крещены и мечом.
И я не забыл обещанья, поверьте,
Как вы, не забыл ни о чем.

Все помню: немую работу разведки,
Полегших безусых ребят...
Под сердцем моим пулевые отметки
Доныне к погоде горят.

Доныне свинец чужеземца-солдата
Покою спине не дает;
И тяжкий валун над могилою брата
Сжимает дыханье мое.

Нет! Я ничего не забыл, хоть и рад бы
О многом, что знаю, не зная.
И жжёт мою душу огонь нашей клятвы,
И сердце попробуй унять.

* * *

Я помню огненную ночь,
Тротила адскую работу,
Вконец измотанную роту,
Не властную земле помочь;

Сорвавшуюся с цепи смерть,
Бездольных беженцев обозы,
Лютенной тучей—бомбовозы,
Свинца и крови коловерьт;

Совсем последний эшелон,
Крик паровоза—воплъ прощальный,
Заупокойный, погребальный,
И брошенных могильный стон.

О, как был тёмн тот рассвет,
Когда на русском полустанке
С крестами зарычали танки:
Спасенья нет! Пощады нет!

Я вижу, вижу, как сейчас,
В дымище бурую лавину,
Чужого рыжего детину,
Его налитый кровью глаз.

Метались люди, как в бреду,
Рыдало солнце в чёрном небе,
Плясал огонь в созревшем хлебе,
Рубили яблоню в саду...

Цвели поля—всё прах и тлен,
Был тихий кров— торчат лишь трубы,
Любило сердце, пели губы—
Теперь кругом тоска и плен.

И мне мерещатся донные
Младенец, втоптаный в песок,
Телами устанный лесок,
Лохматый пёс, увязший в тыне.

У них в глазах—ни зла, ни лжи,
Они велят: «Чтоб грех испалить,
Пусть бережёт горюнья-память
Всю тела дрожь, всю боль души.

Пусть дочери и пусть сыны—
Живые—павших поминают.
Да никогда не забывают
Они об ужасах войны!».

НОЧЛЕГ

Так ласково день догоревший,
Так мирно отходит ко сну.
И ветер, как хмель присмиривший,
Прилёт до утра под сосну.

И мнится: в доверчивом мире
Ни крови, ни ярости нет.
Но утро взорвётся в четыре,
И дело зажжётся чуть свет.

Свинцом раскалённым подует,
Свирепый тротил хлобыстнёт,
Разверстая кровь забедует,
И кто-то судьбу проклянёт,

Кого-то надежда обманет,
Кого-то Звезда озарит,
И кто-то вовеки не встанет,
И кто-то в огне не сгорит.

Но это потом. А покуда—
На целых четыре часа—
Покоя предоброе чудо,
Как веки, смежает леса.

Мы тоже ведь чада природы,
Нам тоже не грех прикорнуть.
Ещё окаянные годы
Пошлют нас в пылающий путь.

Давайте с тревогой простимся,
Не будем гадать о судьбе,
Под тихой сосной приютимся—
Не время тужить о себе.

В дремоте бугры и ложбины,
Не знают ни зла, ни вины...
Полтыщи шагов до чужбины,
Четыре часа до войны!

22 июня 1941

Вот так воскресенье
На святой Руси!
Светопреставлень!..
Боже, пронеси!

Грозна доля наша,
Пробил чёрный час:
Горестная чаша
Не минула нас.

В долгую дорогу—
С нынешнего дня.
Слёзы на подмогу—
Русская броня.

Пропадать зазряшно
Нам не привыкать...
Умереть не страшно—
Страшно умирать.

ДУНЯ

*Купим Дуне сарафан, сарафан.
Носи, Дуня, не жарай, не жарай.
«Во кузнице кузнецы»*

*Три года носила, смены не просила.
Ах, Дуня, Дуня, Дуня-тонкопряха.
«Дуня-тонкопряха»*

Придумают же люди: «Тонкопряха» —
И с кузнецами, якобы, не прочь...
А ты, как птица сбита, с размаха
Роняла крылья-руки, горя дочь.

Пускай ещё жена — уже вдовица
В неполных девятнадцать, знает Бог...
И был весь мир. И негде приютиться.
И рвалася дорога из-под ног.

Стояла ты на взлобке, вся в закате,
Распятая на расстаней кресте.
И рядом — сто солдаток, сто распятий.
Везде война. И цвёл июнь везде.

28 июня 1941, Плюсса

ПОСЛЕ НАЛЕТА

Нет больше в небе «каменной стены»,
Какой вчера кичиться мы любили:
Три «юнкерса» — на третий день войны! —
За Плюссой мост и эшелон сгубили.

А их — случись — жаканом из ружья
Смахнул бы вниз, не то что из зенитки...
Мужи и жёнки не кляли вражья:
Совсем молчали. Все в крови до нитки.

*7 июля 1941,
за Плюссой (у железнодорожного моста)*

ОТСТУПЛЕНИЕ

Два дня и три ночи горело,
Ревело, громило, трясло—
И душу, и брненное тело
Ввергало в погибель и зло.

Мочалило сталь на мочало,
Свивало железо узлом,
Погибель победно кричала:
«С дороги, иначе—на слом!».

Бежали без ружей солдаты,
Как тени, ползли старики...
Куда ты, Россия? Куда ты?
Хоть слово надежды реки!

*3 июля 1941,
Тушиново (под Плюссой)*

НАБАТ

Обозы, обозы, обозы.
Такое—как в дни старины.
Искромсаны в щепки берёзы
Нещадной секирой войны.

И стынут в чаду буйноцвета
Мужи... Бобыли... Сыновья...
Не спето. Не спето. Не спето.
А в чащу весёлое лето
Вселило для них соловья.

И кажется—тучные нивы
Рыдают над каждым: «Проснись!...».
А в сёлах—глухие разрывы
Да толлом пропахшая высь.

Проклюнулась жердь у омёта—
Разжилась наивной листвою.
А в поле частят пулемёты,
Свинец высевая густой.

И полдни черны и косматы,
И горького горше—дымы.
Отчизна, твои ль это хаты?
И, может, не русские мы?

Твоя ль это радость лесная?
Кладбищ вековечная грусть?
Вот этот,
как рана сквозная,
Большак в заповедную Русь?

И эти понурые люди?..
Бедует набатная весть:
Никто, кроме нас, не рассудит—
Что будет? Что было? Что есть?

13 июля 1941, Тушигово (под Плюссой)

КАСИН КАСИНЫЧ

Константину Лапину

Побросали обитель
Не одни только трусые.
Мой любимый учитель
Утекает из Плюссы:

Дорогой человек,
Константин Константиныч.
Немчура недалече—
Змей железный Горыныч.

И ни охи, ни вздохи
Не годны на подмогу.
Шутки с ворогом плохи.
—Женка, живо—в дорогу!

—Это ж дому ж поруха.
Не пойду никуда я!
—Ошалела, старуха?
—Я здоровьем худая.

—Перелет, моя птаха!
—Сам-то сдюжишь, бедняга?
Хворь, соколик, от страха.
Разбоялось, однако...—

Я укладывал вещи:
Снес в телегу корыто...
Протемнела зловеще
С неба тень «мессершмидта».

Засвистело, рвануло,
Завалило березку,
Дымным вихорем сдуло
И коня, и повозку.

Кто-то дьяволом клялся,
Кто-то плакал о Боге,
Мой учитель не сдался:
— Будет легче в дороге.

11 июля 1941, Плюсса

ФИЗИК

Максиму Рудакову

Максим Григорьевич Рудаков,
Директор нашей школы,
Угнал фургон и был таков—
Умчал, развихрив полы.

За ним гнались на броне
Бродяги-чужеземцы.
А физик завернул ко мне:
— Тикаем, лирик! Немцы!

Мы улизнули от врага,
Смотались, слава Богу.
Хоть дрянь житуха—дорога,
Хоть некуда—в дорогу.

Уж нам досталось в этот день:
Двенадцать раз бомбили!
— Как им листовки слать не лень
Неграмотной кобыле?..—

Я физику стихи всю ночь
Читал на переправе.
— Хотя до виршей не охоч,
Смолчать сейчас не вправе.

Таким стихам цена сто сот:
В какую высь запрыгнул!
За них тебя я прошлый год
Из школы чуть не выгнал?

*Июль 1941,
мельница Горданово (Кошелевицы под
Плюссой)*

Перекрестился троекратно:
—Деревню взяли не во сне!
Вздымайся, Русь, на дело ратно!—
И закачался на сосне.

15 июля 1941

ГОРЕВАНЬЕ

Как ты глухо стонешь, Поле,
Выбито стальной пятой.
Может, не было русской доли—
Колос не звенел литой?

Как ты горько тужишь, Речка,
Братскою могилой став.
Может быть, забиться сердечку
Первый час ещё не настал?

Как ты тяжело дышишь, Небо,
Жёлтые крыла неся.
Может, жизни ещё и не было?—
В пламени Планета вся!

7 ноября 1941, Плюсса

В ПЛЕНУ

Приглашенный объятьем октября,
Ольховый лист сгорает, не горя,—
Без жара, без огня, покорно и темно...
Душе, как родине пленённой, горевно.

Октябрь 1941

НЕПОКОРСТВО

Будто мать горевая
Над сынком, в крови лежачим,
Жжёт метель, стена-взывая
Неподдельным русским плачем.

Словно вдовая невеста
Над любимым соколёнком,
Не находит замать места,
Захлебнувшись в стене звонком.

Точно горькая сиротка
Над родительской могилой,
Тужит хвиль пугливо-кротко
Над судьбой своей постылой.

А кругом, в ночи-неволе,—
Ворог, проклятый трикраты.
Замерзает наше поле,
Замирают наши хаты.

Но мы слышим, слышим, слышим
Жаркий голос русской вьюги.
Да! Мы дышим, дышим, дышим—
Копим жилистые руки!

1 января 1942, Плюсса

БУРЯ

Разгуделась придорожная струна,
Поразохался корявый березняк.
Ой, душа моя, родная сторона,—
Засугробленный тоскующий большак.

На отшибе сиротеет деревцо,
Плачет скорбная часовня на юру,
Прячут дали ненаглядное лицо—
Не до игрищ на кровавом на пиру.

Здесь подошвы чужерусские стучат,
Кружат коршуны, бросая сердце в дрожь.
Вихорь огненный, слепой свинцовый град,
Наше солнце всё равно не заметишь.

Не сумевших от беды тебя спасти,
Русь, бредущая завьюженным путём,
Ты прости своих сынов, прости, прости!
Для тебя на всё готовы: мы идём!

12 декабря 1942, Локня

Поле Молитву твердит наизусть,
В ней поднебесная грусть.
О Русь!

Солнце и ночи, и звёзды твои,
Травы, снега и ручьи—
Как соловьи.

Я их услышал, родившись едва,
Родины бедной слова:
— Вечно жива!

РАЗВЕДЧИЦА

За нами Усвяты. Под Луками—битва...
Разведчица Галя, ты мне—как Молитва!

Суровая «немка», прекрасная дама.
Порушился путь мой: ни криво, ни прямо.

Не ты—холодеть бы мне в волчьей яруге,
Раскинувши руки, раскинувши руки.

Пришла. Огляделась кругом молчаливо.
—Держите билеты и пропуск. Счастливо!

—Как звать тебя, милая?

— Галя из Пскова.

До нашей победы!—и вышла, сурова...

Под немцем Тверщина—родная чужбина.
Куда занесло нас?.. Галина, Галина...

*15 декабря 1942,
Кушково (под Локней)*

С ДОНЕСЕНЬЕМ

Окаянная доля—
Одному за двоих.
Бойся леса и поля—
И чужих, и своих.

Грозовая обитель,
Заколдованный круг.
И наган-утешитель—
Твой единственный друг.

Но и в скорбной юдоли,
И в плену дышит май:
Непокорства, и воли,
И любви—через край.

Дольний мир жарколистый
Заклинает, стена:
И не выстынь, и выстой,
Не споткнись у огня!

Не утеха—неволя,
Полусон, полустон.
Глянь: у леса и поля
Беспечалье—резон.

Деревá не сдалися—
И листвы дождались.
Дотерпи. Помолися
В солнцезвездную высь.

Не прогневай наганом
Грозовитую тишь!
Под косматым туманом
Проскользнёшь. Не сгоришь.

3 мая 1943,
дорогой в Машутино, на связь

В НЕМЕЦКОМ ПОЕЗДЕ

За мною, по пятам,—капут,
То бишь делишки туги.
Того гляди, свои рванут—
Трясусь в немецком цуге.

Не ты—чужих, тебя—свои
Рванут за милу душу:
Как свистнут наши соловьи!..
Хоть недосуг, а трушу.

Присев на корточки, в углу,
Гляжу на дойче харю.
Молюсь в мелькающую мглу.
И по-немецки шпарю.

На стыках поездов: «Та-та-та!—
Гут за нос водишь фрица».
Но кажет фигу простота:
«Сполна б не захитриться!

Не шибко горячись, герой:
Здесь никакого лета...».
Лихущий год сорок второй—
И где она, Победа?

17 декабря 1942, Сосонь (Порховщина)

ПОЕДИНОК

Застыли—русский паренёк
И чужанин-пруссак:
Глаза—в глаза, зрачок—в зрачок,
Жар—в лёд, кинжал—в тесак.

Глядят—друг друга пепелят.
Пылает кровью склеп.
Скорбящ и светел синий взгляд,
Белёсый—лют и слеп.

В застенке тишь как динамит,
Крик сердца несказан.
Устал гестаповец: молчит,
Ни слова—партизан.

Им не до слов: у огольца
Цепь руки сторожит,
И парабеллум у фрица
В руке дрожмя дрожит.

Не спрячешь злого страха в пол,
Не скроешь—прячь не прячь:
Ведь ты отвёл, отвёл, отвёл
Свои зрачки, палач.

Лиха судьба—последний час,
Но что твой пистолет!
Верней, точнее чистых глаз
Оружья в мире нет.

25 мая 1943, Плюсса

БАБУШКА

Василисе Лавриковой, бабушке моей

Был мой дед своенравен и лохмат,
Характером крут, на руку тяжел.
Выпьет «пшеничной»—черт ему не рад:
Зачудачил, забузил, пошел...

Да и надымит такого сгоряча,
Что неделю после охает, питух.
Был не сажень ростом—бабке до плеча,
От нужды, как тын от зноя, сух.

Ни телеги не имел он, ни одра;
Были ночи чёрны, были жарки дни;
И всего-то в халупёнке значилось добра—
Двенадцать ртов ребятни.

Но не уставал он, делу брат и друг,
С плотницким топориком воистину дружил.
Да бревно однажды выпустил из рук
И, вздохнувши, русу голову сложил.

Бабушка осталась тринадцата-сама:
Большаку пятнадцать, малому—годок.
Хоть стой, хоть падай, всё одно—сума,
Шатнись хоть на запад, хоть на восток.

Но она не заклеимила белый свет,
Разумела: жизнь людская—не вина.
А потом в колхозе—горьких десять лет.
А потом другое лихо: грянула война.

А за той войной треклятой—чужаки:
Трое немцев на постой к бабуле пѣх!
Черена на рукавах да пауки...
—Отвернул от нас, от грешных, Бог...—

А злодеи загуляли ввечеру,
Нализались шнапса—зелена греха.
—Долго спать вам на негданном пиру!—
И пустила в сени красна петуха.

И запряталась в разбитом блиндаже...
Вдруг пришла к ней жалость жарче зла:
И метнулась в пламень, подчинясь душе,
И гуляк-захватчиков спасла.

И накинули ей петлю палачи.
—О, гроссмуттер!¹—опасенный застонал.
И текли над головой ее лучи!
И помост ей был как пьедестал!

¹Бабушка (нем.).

5 января 1944, Клескуша (Лужский район)

ЛЮБОВИ СМУРОВОЙ

В новогоднюю ночь

Гаснет, схвачен цепким заморозком,
Мраком взят-заполонён—
Чужеземным, злым, декабрьским—
Русских глаз июньский лён.
Над простором, в цепи брошенным,
Стонут очи, ночь кляня.
Не гляди, моя хорошая,
Не гляди так на меня.
Я и сам пронизан стужею,
Подступает к горлу ком,
Руки тянутся к оружию.
Дай гармошку! Запоём!

Связные

Ни звезды, ни месяца.
Темень бессердечная
Всё колдует-бесится:
«Мрак—стезя извечная!..».
Песня распечальная,
Радость моя горькая,
Не роса хрустальная
Светит нам под зорькою.
Не кидай на плечи мне
Руки свои жаркие—
Остры когти вечера
Нашим следом шаркают.
Искорка пугливая,
Вьюга—долго-надолго.

Не добыл огнива я—
Ждать костра не надобно.
Круто занастило,
Люто запогодило.
За спину—не за стену,
А потише вроде бы.
Заслонись хоть крохотку,
Дать мне больше нечего.
Слышишь, сколько хохоту,
Вою, свисту—встречу нам?
Только ни полжалобу
Перед тёмной стылостью:
Родина пожаловала
Нас высокой милостью!

Последний большак

Недоступен лик и светел,
Взгляд—в далёком-далеке.
Что ей вёрсты, что ей ветер
На бескрайнем большаке.
Что ей я, и ты, и все мы,
Сирый храм и серый лес,
Эти хаты глухонемы,
Снег с напуганных небес.
Жарко ноженьки босые
Окропляют кровью лёд.
Горевой цветок России,
Что ей смерть? Она идёт!

Плач по Любви

Любовь Алексеевна, Люба, Любаша,—
Моя голубая звезда,
Я цел ещё: ждёт меня старости чаша,
А ты навсегда молода!
Не дай Бог, живые, душой прохудем:
Нещадна житья коловерть...
Кем был для тебя я?—наверно, злодеем,
Пославшим на лютую смерть.
Наверно, наверно. Быть может, быть может.
Война ведь: иначе не мог.
Но память бессонная боль не итожит—
Мне дарствует майский денёк.
...Дорога за Радовьем. Солнце над бором.
Соколье болото левой.
И свист занебесный над земь-свистохором:
То—иволга, то—соловей!
А с волглых обочин кадит медуница,
Донельзя хмелит первоцвет...
И как ни хитри, а нехитро влюбиться.
И мы—девятнадцать лет.
И верила ты мне. И я тебе—тоже.
И грела нас майская звень.
И шли мы с тобой без унынья и дрожи
По смертной дороге в тот день.
И, может, за первым её поворотом
Ждала нас разлука навек.
И виснул «костыль» над Сокольным болотом,
И падал черёмховый снег.
О, как нас кружила цветочная вьюга,
Как маяла жаром весна!
Но мы не посмели коснуться друг друга,

Себя устыдяся: война!
Мы с совестью нашей на грош не рядились,
Мы были солдаты, мой свет:
На Плюссу той ночью поврозь воротились...
И вот тебя нет! Тебя нет?

1942-1944, немецкий гыл

В КОМЕНДАТУРЕ

Евгении Могиной

Когда-нибудь тогда,
Когда-нибудь когда-то,
Сама себе не рада,
Спыхватится беда.

И осенит крестом
Содеянное худо.
Мы вырвемся отсюда
На волку, в лес—наш дом.

Где можно быть собой,
К своей братве причалить,
Из-за угла не жалить,
Где бой—открытый бой.

Так будет! А пока,
По горестному праву,—
Я тута—«герр», вы—«фрау»,
Ловчим в гнезде врага.

Опасная игра,
Жестокая забава:
И слева смерть и справа—
Не дремлет немчура.

А смены не видать.
И говорю вам тихо:
—Печально жизнь отдать,
И взять чужую—лихо.

Мы—дети: дочь и сын
Руси, на зло не шибкой.
А вы, в ответ, с улыбкой:
—Вот пять магнитных мин!

11 января 1944,
Клескуша (Лужский район)

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Георгию Савельеву

Загороженный ворогом путь,
Вдоль шоссе—звериный чапыжник.
Стонет хрипло дорожный булыжник,
Пряча мины в разверстую грудь.

Тяжко дышим мы, глухо и зло,
Ковыряя корягой каменья.
Окаянная служба отмщенья:
Диверсант-подрывник—ремесло.

Время темное—полночь близка.
Завтра день мой: лишь птицы аукнут—
Стукнет двадцать мне, если не стукнут.
Защити нас, туманец леска!

Где-то матери наши сейчас?
Я-то знаю: им нету покоя.
Пусть помолятся, дело такое,—
За себя, за Россию, за нас.

Дай им Бог! А над Плюским шоссе—
Три часа—пригасают стожары,
Будят утро немецкие фары,
Дым и пламя, и грохот в росе!

Гоша лыбится:—Огненный пир:
Догорают ошметки машины,
Догулялись четыре вражины.
С днем рожденья тебя, командир!

17 августа 1943,
после диверсии у Большого Захонья

«НА ВОЛОСКЕ»

Не покачаешься на волоске,
Не запоёшь о дремучей тоске.

Хвастаться нечем, да суть не в хвальбе—
В вороге? в Боге? в военной судьбе?

Так ли, иначе, моё «ремесло»
В сейф коменданта меня занесло.

Дело не стыдное в лихе войны.
Вскрыл я тот ящик, не чуя вины.

Настежь двойная железная дверь.
Сердце робливое, стуки умерь!

Мы далеконок зашли, не пасуй.
Карта развёрнута, только рисуй...

Вдруг за спиною, унылый, как стон,
Возглас чужбинника:—Ду бист, Эгон?¹

Что называется влип, земляки:
Не драпанёшь и в четыре ноги.

Шкурой почувствовал: близится дрожь.
Стрельнуть нельзя. Вся надежда на нож.

Немец схватил меня за руку:—Вер!²—
Это мгновенье нам было как век...

¹Ты, Игорь? (нем.).

²Прочь! (нем.).

Было да сплыло—у нас говорят.
Так почему ж мои шрамы горят?

8 января 1944,
Клескуша (Лужский район)

Он промахнулся дважды.
В пяти шагах. В меня.
Я не горел от жажды
Убить. Но дал огня.

Раскочегарив дуло,
Плеснул из ППШа.
Его как ветром сдуло,
Не повезло, и ша:

Воткнулся в куст рябины
Дырявой головой.
Стояли сентябрины
Над лесом и травой.

Валялся хлыщ безродный,
Никто, кровавый бред.
Из пятерни холодной
Я отнял пистолет.

Не жаль его нисколько,
Да и себя не жаль...
Глазам от дыма горько?
Журавья жжёт печаль?

Ни звука, ни ответа
От неба и земли.
Пылает «бабье лето»!
Рыдают журавли!

17 сентября 1943,
Овинец (Плюсский район)

ОПЛОШКА

Стояла ночь, тревожна и глуха.
За речкой спели два-три петуха.

— Григорьевы Лев с Игорем, пора!
— Охотники, ни пуха ни пера!..

Кровянил семафор, чернел откос.
Запрошлым летом тут пасли мы коз.

А нынче, алча эшелон рвануть,
Сто шашек тола угнездили в путь:

Ужо!.. Да маху дали впопыхах
(Чего уж там, покаемся в грехах):

Как следует следов не замели.
И над зарядом—фрицы-патрули.

Один—давай светить, другой—копать.
—Клюет! Тяни уду, ядрёна мать!—

И брат живёхонько рванул фугас:
И патрули оборотились в газ,

И сыпалась железная труха,
И мы греблись подальше от греха.

А смертник-поезд смылся, паразит,
И не ему—стыдоба нам грозит.

БРАТ

За пустотрату сил боеогня
Нас в баню посадили на три дня.

Сидим! Брат Лев, сопя, изводит вшу,
А я стихотворением грешу.

*15 января 1944,
Нежадово (Плюсский район)*

Ты жалея что-то...
Как-то...
Умирали...
На брови...
Воспалю...

Жахали...
Где-то...
Ты жалея...
Насовсем...

Бот она, война...
В сина...
Ты Уд...
Выл...
Иль тебе...

*15 января 1944,
Нежадово (Плюсский район)*

СОН

«По волчьей мостовой»
Мы шли с темна до восхода...
Я ткнулся в мох головой.
И сплю. И что мне погода.

За эти сна полчаса
Застрял в долгущем кошмаре:
В огне сплошном небеса,
Дорога в чёрном пожаре!

Мой брат горит посреди,
Босой и в смертной рубахе.
«О Боже, грех отведи!» —
Молю я в горе и страхе.

Ни Бог не слышит меня,
Ни брат не слушает стона.
И кровь, и когти огня,
И горе, горе бездонно.

23 сентября 1943, Зачеренский лес

БРАТ

Льву Григорьеву

Поле перейти не страшно ничуть,
Если перешел аль убит;
Но зато какую крошечную жуть
Русичу подбитому утро сулит.
Если ни патрона в нагане нет
И нога с ногой не в ладу,—
До чего ж он скор и черен, рассвет,
И светает прямо в беду!

ЛЕВ ГРИГОРЬЕВ

Ты меня прости:
Без слез тебя оплакал.
Умирили избы, ночь горела жарко.
На броне поверженной германская собака,
Вскинув морду в небо, сетовала жалко.

Жахали гранаты, дым кипел клубами,
Голосил свинец в деревне ошалелой.
Ты лежал ничком, припав к земле губами,
Насовсем доверяясь глине зачерствелой.

Вот она, война:
В свои семнадцать вёсен
Ты уж отсолдатыл два крошечных года...
Был рассвет зачем-то ясен и не грозен:
Иль тебе не больно, вещая Природа?

*26 сентября 1943,
Носурино (Плюсский район)*

МАТЬ

Марии Васильевне, матушке моей

«Извещаем...
за Отечество...
с врагами...»—
В черной окаемке
Пять казенных строк.
Заходила ходуном божница,
Закачалось под ногами,
Надавил на темя горбатый потолок...

Отдышалась. Встрепенулась.
Пестерёк внесла с придела:
Сдунула солинку с распашонки,
Расчесала русый завиток.
Тихая, как виноватая, глядела—
Ни проклятья, ни полстона. Видит Бог!

А кругом плясал, гудел зеленый пламень,
Бил огонь оледенелый:
Всё—в лицо, в лицо, в лицо.
Почтальонка ей:
—Поплачь—душа не камень...—
А она соседок проводила на крыльцо.

Вышла за калитку, огляделась:
Всё как было—
Грозовеет небо, сиротеет поле...
И, скупых не пряча слез,
Сухонькой рукой
Бумажку стопудовую сложила:

—Будет, бабоньки: развиднело—
Пора на сенокос!

26 сентября 1943
партизанский лагерь в Зачеренском лесу

ТРИФОН

Зарева и звездопад. Не спится.
Лес. Костёр и песня на поляне:
«Ой да за водицей шла девица,
Босиком, по соловьиной рани...».

Жутковато от сови́на крика:
Забавляет лешего, дурёна.
—Ротный, друг, повесели: соври-ка,
Как ты гостевал у фон-барона!

—Знайте: до войны я в эмтээсе
Десять лет механиком ворочал.
Знал, само собою, толк в железе,
Осушал и чарку, между прочим.

Тут—война! И плен за три недели
(В сорок первом немцы были скоры).
Уж мы на погроме «порадели»!
Уж поплакал я, круша моторы!..

Вскорости свели меня в гестапу—
Вызнали, что я—механик, бляди,—
Важный немец тянет ко мне лапу,
А в той лане... кружка шнапса: «Нате!».

Шутки плохи. Выпил с перепуга.
Немец—леденца мне: «Посластитесь!»—
Покупает задарма, тварюга:
«Вижу, пан Васильев, пить годитесь».

А потом фрица как подменили—
Он вскипел до визгов оглашенных:
«Будете чинить автомобили!
Мы не терпим непокорных пленных!

За усердые дорогой подарок
Обещаю я, барон фон Шнее:
Ящик русской водки, тыщу марок,
Дом, корову и ден копф¹ на шее».

Я хвостом не всякому виляю,
Вот и встал, и рубанул заразе:
«Я, Три-фон Васильев, заявляю:
Не согласен, фон в едином разе!».

Враг опешил, вылупил бельмищи:
«Драймаль фон?»²—и с тем в скулу как
звизднет!

Дрался, доложу вам, жёнки чище,
Слава Богу, не сильнее жизни.

—Значит, зряшно лопнула награда?
—Не совсем: горят к погоде кости...
А теперь пора вздремнуть, ребята:
На рассвете—к фон-барону в гости!

¹Голову (нем.).

²Трижды фон (нем.).

Сентябрь 1943, партизанский лагерь под
болотом «Соколий мох».

ПРИВАЛ

Длинный дождь,
Время—нож:
Поневоле—в дрожь!
Чисто поле моё,
Ветрово жнивье.

Ржавь да рябь,
Зябнет зябь,
Хлобыстает хлябь.
Небо, земь—всё одно:
Вздыбленное дно.

Ни устать,
Ни отстать,
А дойдёшь—как знать:
Многим лечь навсегда,
Сгинуть без следа.

—Да, война...
—Ни хрена.
От дождя—хана...
—Размоктели, дружки?
На-ка хромку, жги:

Погармонь,
Сердце тронь,
Высеки огонь!
—Есть!.. А сам трепака
Отчубучь слегка:

Сплясани,
Дрожь сгони!
—Ноги ни ни-ни.
—Не жалея, хватит ног.
—Разве что—чуток.—

Зачастил,
Припустил,
Дал что было сил:
Начудил аж до слёз,
Хмарь и хмурь разнёс.

Будто нет
Лютых бед,
Проклятущих лет;
Будто с гаком полста—
Что одна верста.

Лупит дождь,
Только врешь,
Душу не зальёшь:
И доймёшь—не уймёшь...
Роздых. Время—нож!

19 ноября 1943, Зачеренский лес

РАЗВЕДКА

Ивану Хвоину

Пятый день мокрого дождя,
Пьяный ветер колобродит;
Выйдешь—оторопь берет:
Не земля—сплошная лужа,
Под фуфайкой пляшет стужа...
—Кто на дело? Шаг вперед!

Как медведица-старуха,
Ночь бурет, мает глухо:
«Ты один? Один за всех?
Стой: на лосьих тропах топко!
В чаще муторно и знобко:
Ни попутчиков, ни вех.

Поверни, пока не поздно,—
Там, куда ты лезешь, грозно:
Встренет выстрел, в мох швырнёт!...»
Черт те што. Бывает. Ветер.
Где-то люди спят на свете.
А разведке—шаг вперед!

25 ноября 1943, Вир (Лядский район)

ПЕРЕХОД

Тимофею Егорову

У кромки старуха-осина
Хохочет, хохочет навзрыд.
Вязка ты, псковская тряпина,—
И лось не опустит копыт.

К тебе и глухарь отошальный
По клюкву не смеет летать;
Кабан—вездеход одичалый—
Обходит пропащую гладь.

Здесь—прямо, и справа, и слева—
Стоглазая целит напасть,
Бурчит ее черное чрево,
Разинута красная пасть.

И нету нам выбора. Нету.
И можешь не можешь—иди.
—Судил Бог болотину эту—
Пять верст в киселе до груди!..—

Глумится ноябрьская стужа,
А избы, как май, далеки.
—Подсумки притягивай туже:
Патроны мочить не моги!

—Эй, зяблики, грейся от заката,
Лечебных грязей не корить...—
Да кто ж вы такие, ребята?
Да как же России не быть?
Ноябрь 1943, Соколий мох

ВЕРНОСТЬ

Василию Красотину

Не море—горющее горе,
Земли перепуганной дрожь.
Стенают пробитые зори,
Сочатся в убитую рожь.

Стекают к её изголовью,
К последнему вскрипу её,
На землю, залитую кровью,
На горькое сердце моё;

На доброе страшное сердце,
От мести глухое дотла,
Которому некуда деться:
Нет жизни, и смерть обошла.

О мир, ясноглаз и доверчив,
Тебя, на сожранье войне,
Хватают клыкастые смерчи;
И в чёрном корёжат огне;

Грабастают, пьяны от власти,
И пляшут на красных костях.
И стонешь ты в бешеной пасти,
И тонешь в железных когтях.

Но смотрят нам в души нагие
России сухие глаза:
—Мои сыновья дорогие,
Ни шагу, ни пяди назад!—

Хоть страшно, должны мы признаться,
Должны в беспощадном пути:
Ведь некуда больше сдаваться
И некуда дальше идти.

Мы внемлем. Мы жить не устали,
Но грозно на крестной стезе
Мы стиснули души, мы встали—
Живые и мёртвые—все.

Лихие дары ей приносим—
Пожары да точность свинца.
И мрём. Но вздыматься колосьям,
И зорям не прятать лица.

1943—1973

КАБЫ ДА ПОЖИТЬ

Михаилу Шугову

Как нас тянут ноги?
Три часа утра—
Пятый час в дороге.
—Хоть бы полкостра!..

Ласково и любо
Теплится восток.
—Горестно и люто.
Лечь бы за кусток!..

Стылая осока,
Сниклая куга.
—Знобко и далёко.
—Да не два шага.

—До свету добраться,
Да и жару дать!
—Поднажали, братцы:
Там у фрица—гать.

Суше там и выше,
Не дорожка—пух!
—Бечь бы рад, да вышел
Из шагалок дух.

—Чхать на невезуху—
Немчура горазд:
По завязки духу
Накидает враз.

—Это точно: вложит!
Только кто—кому?
—Всё случиться может:
Смерть сгребёт в суму...

Будто жили зряшно—
Зла не растужить.
Горестно и страшно.
Кабы да пожить!

1943, немецкий тыл

НА ПОЛЕ БОЯ

Глумится дым: дотла деревня.
Твоя. Дотла.
Мертва трава, черны деревья,
Металл—зола.

Все сорок братьев—оземь сходу
У рубежа:
Прошедшие огонь и воду,
Спят, не дыша.

А ты, живой, не спи, усердствуй,
Гори от мук,
Прижми к земле плотнее сердце,
Чтоб тише стук.

Бери патроны. Вытри слёзы—
Живи, простят.
О павших плачницы-берёзы
Отшелестят.

Пусть ноябрю ништо до смерти:
Жжёт снег, бьёт дождь,—
Ты дышишь в гиблой коловерти.
И ты придёшь.

Дойдёшь, чтоб снова распрямиться,
С живыми встать.
А поле кружится, дымится—
Зги не видать.

1943—1975

* * *

На последнем своём берегу,
Далеко от родного села,
Ты споткнулся на чёрном снегу—
Завершаешь земные дела.

Чадный воздух со всхлипом глотнул—
«Тигр» дымит, будто чёртов ушат.
Гаснет, глохнет сражения гул,
В поле зори красно мельтешат...

Потянуло парным молоком—
Сердцу нет ни разлуки, ни вёрст.
Покосившийся ласковый дом
Светит в ливне пронзительных звёзд.

Всё как в рани: кленёнок, лужок,
Ты бежишь по росе босиком,
Где-то плачет пастуший рожок—
Просто так, ни о чём, ни о ком.

Жёлтый звон и малиновый зной,
Синий щебет и вздох у ручья...
—Здравствуй, мама! Не плачь надо мной:
Ты—во мне, не чужбина ничья.

1944—1975

* * *

У самой траншеи,
На красном снегу
Мне лиха лишее—
Ни встать, ни гугу.

На бруствере ноги,
Внизу голова...
Вразброс у берлоги—
Тела, как дрова.

Свои и чужие—
Дошли до межи.
А мы—чуть живые,
Да всё-таки жи...

1 января 1945

ЗАСАДА

Перед утром спит огонь,
Но курки—лишь пальцем тронь.
—Во бы в хату завернуть,
Закусить бы да курнуть! Прикорнуть...

Одолжи комок жмыха—
Что-то мутит ото мха.
Слышь, едал я до войны
Порумянее луны—блины.

—Чудачина человек,
Будет нам ужю ночлег.
—Ша, шумилы, шум—хана!—
Натянулась, как струна, тишина.

Полнолуние. Снежный прах.
Плач, хохочущий в кустах.
Виден звук и слышен цвет:
Ходят рядом тьма и свет
След в след.

Январь 1944, немецкий тыл

ПРОЩАНИЕ

Николаю Григорьевичу, отцу моему

Было прощанье с отцом
Необходимым.
Жгло за окопным кольцом
Прахом и дымом.

Танк дотлевал на крестах,
Сталь вопияла.
Слезная в снежных местах
Слякоть стояла.

В полымя путь, из огня:
Родина в грозах!..
Вел ты за повод коня,
Нес я твой посох.

Крута сыновья стезя:
Долго ль сорваться...
Росстани. Дальше нельзя.
Надо прощаться.

Был ты, как вечер, уныл,
Полон смиреньем —
Трижды меня осенил
Крестным Знаменьем.

Я парабеллум трикрат
Вскидывал в небо:
—Честь тебе, старый солдат,
Выразить треба! —

И, поклонясь до земли,
В руки — поводья.
Тойфеля! тронул: — Пошли,
Вражье отродье! —

Пряма дорога была,
Как наказание:
Мокра да сизо-бела...
Жизнь партизанья!

И, до последнего прав, —
Во след мне глядя, —
Бороду в посох вогнав,
Плакал мой батя.

¹Тойфель — чёрт (нем.); кличка моего трофейного коня

*9 февраля 1944,
Островно (Лужский район)*

КОНТРАТАКА

Виктору Объедкову

На взло... на взлобке—взрыв за взрывом,
В ста саженьях—не наша власть.
Мы выстроились под обрывом
(Куда снарядам не попасть).

Нас—тридцать восемь, чад разведки,
Сорви-голов лихой войны.
Предстал комбриг:—Здорово, детки!
Сам поведу! Беречь штаны!..—

И он, как русский волк матерый,
На лежку прусских кабанов
Метнулся, яростный и скорый!
И было нам не до штанов.

Всклень в лихорадке наважденья,
Войдя в злосчастный русский раж,
Мы проломили загражденья,
Вбегли, втекли, вползли на кряж.

И там, и там—во гнездах гажьих—
В окопах, глыбью до груди,
Сошли с ума две силы вражьих—
Врагу, Господь, не приведи!

11 марта 1944, госпиталь 1171

МЕНЯ РАНИЛО

Было так: сперва я бёг,
А потом, с размаху, лёг.

Отходила вдруг нога.
Брешь в штанах. Полсапога.

Шапки нет. В ушах трезвон.
Прохлаждаться не резон.

От меня шагах в полста
Вылез немец из куста.

А за ним возник другой—
Не до дрыганья ногой.

То есть, тут не до ноги—
Можешь, нет ли, убеги!

Я, понятно, не бежал,
Да не то чтоб и лежал.

Весь вошёл в житейский раж:
То катился, как кругляш,

То скакал—хвала прыжку!—
Заслонив рукой башку,

То сжимался аж в комок...
И ведь смылся, мог-не мог.

13 января 1945

Александр Агафоновой

Светлый ангел—сестрица, скажите:
Догорит моя ночь хоть когда?
Длань на рану мою положите:
За окошком ни зги—темнота.

Горькой доли глоток, не бессмертья,
Мне бы надо вкусить позарез!
Кроткий ангел, сестра милосердья,
Неужель я для смерти воскрес?

Неужель озноблённое сердце
Мне в заброшенной хате не греть?
Не избывшему крест одноверца,
О сгоревшей любви не жалеть?

И, добыв-таки рифмы золоты,
Не валиться, счастливому, с ног?
Или верные други—заботы
На меня наложили зарок?

Неужели?.. Да выпеснишь разве
Все соблазны житейского дня?
Скорбный ангел, дарующий праздник,
Заругайте, засмейте меня.

Я согласен, согласен, согласен
Побрататься с тревогой любой,
Лишь бы не был мой голос безгласен!
Только б, жизнь, не разладить с тобой!

Чтобы петь на неистовом свете,
Разумея: бессменна страда.
Только б русскую душу на ветер
Не пустить—ни про что—в никуда!

И жалькой, жалькой жалькой,
Суть-то до чего жалькой...

Шестидесятилетие —
Она была в жизни моей —
Видела, как я в жизни своей —
Видела, как я в жизни своей —

Мне — жалькой, жалькой жалькой —
Жалькой, жалькой жалькой жалькой —
Жалькой, жалькой жалькой жалькой —
Жалькой, жалькой жалькой жалькой —

Прости, Вера, — жалькой жалькой
Слова, да жалькой жалькой жалькой
Такая жалькой жалькой жалькой
На дне жалькой жалькой жалькой

Судь, жалькой жалькой жалькой
Слова, жалькой жалькой жалькой
Вид жалькой жалькой жалькой
На жалькой, жалькой жалькой жалькой

Скожу — жалькой жалькой жалькой,
Рядом жалькой жалькой жалькой
Но жалькой жалькой жалькой жалькой
Вид жалькой, жалькой жалькой жалькой!

(1943 — 1974)

22 ИЮНЯ 1944 ГОДА

Чему ты смеёшься, утеха-погода? —
От солнца лишь ране больней.
Сегодня вселенскому горю — три года,
Убийственных тыща сто дней.

Какую мы силу назад осадили,
Стократ заплативши, стократ!
Сквозь вёрсты Руси чужеземные мили
У нас под ногами горят.

22 июня 1944,
госпиталь 267

* * *

Григорию Акмолинскому

Последний выстрел замирает,
Протяжный тонет стон.
В кипящей заводи сгорает
Стальной немецкий слон.

Шестидюймовый хобот скручен —
Отвыл, отлютовал.
Вопит земля в цепях колючих:
«Не бейте наповал!

Мне — цвель, а я черна от жути —
Зола и тлен до дна.
Зачем вы так со мною, люди?
Ведь я у вас — одна!».

Прости, Земля, — людскому званию
Совсем не все верны:
Твои верховные созданья
Не все тебе — сыны.

Суди, какие громометы
Сожгли твой снежный брег.
Вот эти с черепами роты —
Не люди, грех и бред.

Смоги — они б тебя загрызли,
Распяли б — грянь их час.
Но отняли мы злые жизни.
Земля, вздохни о нас!

1943 — 1975

В ЕГОРЬЕВ ДЕНЬ

От нас откатились бои за кордоны,
Стекла в заграницы война.
Трава не хранит, а хоронит патроны—
Стрельбюга весне на хрена.

Не помня ни лиха, ни зла, ни печали,
Обманутой жизни внемля,
Поля воскресают, поля отмолчали,—
Вздыхаючи, дышит земля.

Не кровью за кровь, не безбожным
отмщеньем,—
Как светлый Спаситель с креста,—
Земля голубеет прощеньем, прощеньем,
Зане она злу не чета.

Над нею, израненной, сеченой, клятой,
Бездомной ничьей сиротой,
Донельзя расхристанной нищей патлатой
Витает Егорий святой.

И маю цветущему даже морозы
И снега в бессолнечной мгле
Не боязны были б, когда бы не слёзы,
Когда б не они на земле.

6 мая 1945, Ильинское (Приветлужье)

ПОБЕДА

В радуге, в радости, в цвете
Май, позабывший о солнце.
Тучи—что малые дети:
Плачется вдруг и смеётся.

Вихорь загикал, захлюпал,
Бахает гром холостыми,
Катится звончатый купол,
Светится в ласковом дыме.

До земли высь опустилась,
Кланаясь тёмным избёнкам.
Ливень, отраднй, как милость,
Чалым бежит жеребёнком.

Неукротимо и круто
Пламя разлапое рыщет.
Дня многогорлая гряда
Ахает, грохает, свищет.

Ей откликаются люди
Вздохом раскатистей грома.
Травы в текучей полуде,
Перворожденья истома.

Раненой жизни начало
Душу врачует и дразнит.
Небо и то не смолчало:
Вышло—до тучки—на праздник.

Сходятся ярые руки
В ошеломлённом зените...
Видите? Верите, други? —
Мы победили. Вздохните!

*9 мая 1945, Большое Николаевское
(Приветлужье)*

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Постой у разбитой опушки,
Ничуть не боясь, подыши.
«Грохочет!..» — Гуляют лягушки.
«Крадётся!..» — Встают камыши.

«Взывают нещадные трубы!..» —
Не рвись: гомонят журавли.
«Над лесом багровые клубы!..» —
Заря доспевает вдали.

«Стенанья протяжные вдовьи!..» —
Не майся: неясить поёт.
И полнится синею кровью
Раскиданный паводком лёд.

И месяц линём неторопким
Полощется в пенном пруду...
И станешь ты тихим и робким,
Зачем-то с собой не в ладу.

Зачем-то к земле равнодушной
Прижмётся горячей щекой,
Как в детстве сгоревшем, послушный,
Вздохнёшь, что совсем не такой.

Ах, как мы отвыкли от вёсен!
Ах, как мы без них не могли!..
Копейки сиреневых блёсен
На рыжую глину легли.

Восход, желтопёрая птица,
Смеётся за чёрным бугром...
И вдруг весело загрустится,
И горе набухнет добром.

КРАСУХА

Красуха в сентябре 1943

Вокруг Красухи травы глухи,
Часты кусты густым-густы.
Ещё у Мира очи сухи,—
Ещё святой не стала ты.

Тебя судьба хранит покуда,
Но, видит Бог, не на века.
Ещё ты не сгорела люто,
Но это лишь пока, пока.

Таясь в осеннем озаренье,
Ты теплишь свет, моё село,
И ни тоска, ни разоренье
Не жгут печальное чело.

Журавушки не отрыдали,
Ещё ты машешь в три крыла,
И крик набата прячут в дали
Твоих берёз колокола.

Год сорок третий. Сентябрины.
Что день—темнее златогрусть...
Какие дани и дарины
Ты жертвуешь и платишь, Русь!

Какому лиху, злу какому
Дано свершиться над тобой!—
Здесь ни живой душе, ни дому
Не выстоять перед судьбой.

Не уцелеть перед напастью,
Что разразится в ноябре:
Захватит огненную пастью
Тебя, Красуха, на заре.

Убьёт—сожжёт людей и хаты,
Жизнь обратит в золу и прах.
Но до своей горючей даты
Тебе лететь на трёх крылах.

И ты летишь над коловертью,
В осеннем полыме горя,
Навстречу страшному бессмертью—
До ноября, до ноября.

Поминок

Чернобыль на пепелище
Да густой бурьян.
Оголтело ветер свищет,
Кровью сыт и пьян.

Хоть бы двор какой иль хата—
Пусто впереди.
Только зарево заката
Душу бередит.

Только трубы обочь речки
Над печами в ряд—
Непогашенные свечки—
В прах-золе горят.

Только хриплый ворон глухо
Крикнет о беде...
Что с тобой, моя Красуха?
Где ты? Где ты? Где?

Я четыре чёрных года
Светлой встречи ждал.
Я ходил в огонь и в воду,
Кровью побеждал.

Жгла меня тоска-порука,
Маяла напасть,
Чтоб тебе, краса Красуха,
В горе не пропасть.

Верил: ждёт меня невеста,
Дом родимый, мать...
Где я? Памятное место
Сыну не признать.

В день свиданья—ночь разлуки:
К сердцу сквозь кусты
Тянут высохшие руки
Сирые кресты.

На тропе, как дума ночи,
Бредит чернобыль:
«Растопчи меня—нет мочи
Трогать эту быль!..».

В сорок третьем в тьме метели
На село моё
Набежали, налетели
Псы и коршунё.

Затолкали в пасть сарая
Триста человек.
Триста душ, земля сырая,
Приюти навек!

Заплескалось пламя в крыше,
Взвился адский чад...
Враг «Пощады!..» — не услышит:
Мёртвые молчат.

Красуха

Ты вошла на холм,
Скорбна и грозовита.
Ты устала,
Босы ноженьки болят.
Ты — из камня,
Ты — из мёртвого гранита,
Ты — немая,
Но душа твоя — набат.

Ты — Красуха!
Здесь — Россия в каждой слёзке,
В каждом взгляде,
В каждом вздохе люб-травы.
И не знают
Зла не знавшие берёзки,
Отчего нагоркли
Песни синева.

Что им знать:
Они родились в сорок пятом, —
Им стоять
На избах, выжженных дотла.
А тебе нельзя не помнить —
Память рядом:
Вековая
Безутешная ветла.

Над холмом твоим —
Бездонная тревога:
Ни сыночка, ни забвенья
В мире нет.
И у ног бежит
Не сельская дорога —
Путь тернистый,
Путь кремнистый в белый свет.

Грозовито,
Чутко в чаще краснотала,
Вечный сон, печаль и воля —
Жизни власть.
Здесь Красуха,
Здесь Красуха умирала,
Здесь погибель
До бессмертья вознеслась.

1943 — 1972

Евдокии Ивановой

Стога по склону, стога на гребне—
 Как зерна в ласковой земной горсти.
 В высоком небе, в спокойном небе
 Ни тучки крохотной не грустит.

Поля смирились: ласкают ольхи,
 А те красуются, веселясь.
 И только волны внизу как вздохи,
 Да камни тяжкие, будто напасть.

Гуляет глушь. Глухонемо. Пёстро.
 Огонь и кровь? Огнекров кипрей?..
 Ах, волны, волны, милосердные сестры,
 Не смыть вам пепел и кровь с камней.

Бедуйте, волны,—покоя нету:
 Тут всё—вековечная беда.
 Хоть сколько сердцу гореть по свету—
 Никогда не сжечь дороги сюда.

У черной плиты, седая, как пена,
 И неподвижная, словно гранит,
 Русская мать, преклонив колена,
 Кротко и скорбно память хранит.

Над ней крушина—ягода волчья—
 Из красной картечи сплела венок.
 Я подхожу, я кланяюсь молча,
 —Спасибо! Бог помочь тебе, сынок!—

О чистый берег! На жёлтой глади
 Крапива и хмель навили плетей.
 О мать! Святая мука во взгляде...
 —Пришла проведать своих детей.

Вот здесь они, вот на этом камне
 Угасли вместе—брат и сестра:
 Светили, как факелами, руками,
 Стенали в нещадной пасти костра.

Горели! Горели живые люди-и,—
 Дрожи, мое горькое сердце, дрожи!
 Разрывались мертвые камни от жути:
 Доныне трещины эти свежи.

Село Севó! Ни души, ни сарая.
 Одна я воскресла на прах-пустыре,
 Чтоб весь свой век гореть, не сгорая,
 Пылать, изнывать в том лютном костре.

И, может, вечно в прахе багровом
 Спаленной жизни горюнить свет.
 Не пройди, помяни их добрым словом.
 А я тут поплачу. Покоя нет.

ЗАКЛЯТЬЕ

Когда заликует свет
Перед разгневанными глазами,
А сердце отчаётся
Кровоточить и проклинать,
Говорите всем как признание,
Твердите как заклинание,
Велите как приказание:
— Восемьдесят пять!
— Восемьдесят пять!
— Восемьдесят пять!

Чтобы все слышали,
Видели,
Ведали,
Чтобы безумству
Смердящую пасть не разъять, —
И в чёрные беды
И в солнце Победы
Нельзя,
чтобы люди забвенью предали
Восемьдесят пять,
Восемьдесят пять,
Восемьдесят пять...

85 тысяч
в одной могиле!
И некого звать,
Никому не восстать.
А ведь все они
Были,
Были,

Были!
Но часы пробили,
Часы пробили —
Душегубки дымили, дымили, дымили:
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...
Восемьдесят пять...

О бедная мать,
И зачем ты сердце дала мне? —
Тут бой его страшен,
Грешно здесь дышать.
На колени швыряет,
Сжигает глаза мне
Бесконечная цифра
На белом камне,
Беспощадная цифра
На огненном камне,
Огнедышащая цифра
На мёртвом камне —
85!
85!!
85!!!

Я открываю глаза,
Вижу спокойные выси,
Встаю с колен,
Корю себя:
«Разум — вспять?»
Адская небыль,
Сгинь, не снись ты!..».
Но надо мной, над землёй, над небом

Неотвратно нависли—

85!

85!

85!

У реки Шелони

Над русским полем

Им бездну веков

В сто семьдесят тысяч глаз

Заклинать,

Заклинать,

Заклинать!..

Слушайте, сущие:

В восемьдесят пять тысяч бездонных болей

Взывают к вам невольники воли,

Взывают к вам

Ради вашей доли—

Восемьдесят пять,

Восемьдесят пять,

Восемьдесят пять!

Чтобы Земле

Не ведать смертельной стыни,

Чтоб никогда

Никому

ни голов, ни колен

Не склонять,—

И во веки веков,

И присно,

И ныне—

Вещайте миру

О поле,

В котором бездомней пустыни,

Кричите свету

О буйноцвете,

Что горше полыни,

Шепчите сердцу

О страшной святыне:

Восемьдесят пять,

Восемьдесят пять,

Восемьдесят пять...

Жизнь не может вас не понять!

13 февраля 1945

МИНУТЫ

Время, пламя, стремя—

Время!

Бранно было.

До сегодня наше племя

не избыло,

Не забыло

Ни тревоги, ни печали.

Непогодными бессонными ночами

Вспоминаем,

Понимаем—

Память маем;

Днями—тоже: наболело, накипело.

Наше время—

чья возьмёт:

Душа иль тело?

Неусыпны, негасимы

наши страсти:

У безбожной дикой силищи во власти

Проклинаем,

Заклинаем,

Жить не чаем.

Нескончаем

путь прискорбья и напасти.

Если б воинов,

за жизнь полёгших в битве,

Помянуть:

Минутой—

каждого—

В молитве,

Вспомянуть.

Почтив

молчания минутой,

Всех не вставших—

Жизнь отдавших

в схватке лютой,—

Быть молчанию невероятной длины:

Двадцать восемь лет

сполна—

И зим, и вёсен—

Провести бы нам в молчании-помине.

Двадцать восемь!

Двадцать восемь!

Двадцать восемь!

Вот какие мы минуты в сердце носим.

ПУТЬ

Не дальше людской дорога,
Которой Бог меня вёл.
Не каюсь: продрог немного—
Всю жизнь нараспашку шёл.

Не крепче других мотало
Меня. Но бывало всяк:
Хлебнул огня и металла,
И пять штыковых атак.

Сполна и любил, и верил,
И брал, и платил, что мог.
Перед озябшими двери
Не затыкал на замок.

И странно, и горьковато
Оглядываться назад:
Иным «своим» твоя хата
С краю, старый солдат.

Поёживаюсь. Вздыхаю.
И тешу себя наперёд.
Что ж, ладно—«с краю, так с краю»,
Переболит. Загрёт.

И если житейская осень
Нашлёт на тебя холода—
Хоть милости и не просим—
Мой дом не закрыт никогда.

ПАМЯТЬ

У тихого леса
Святое проклятое прошлое:
Горюнится лобное место,
Невинной польнюю заросшее.

Роняет ракета,
Как гильзы, латунь сентябриную...
Забыто, забыто, забыто.
За рыто. Заровнено глиною.

Ни рва, ни кровинки—
Всё годами списано, сглажено.
Осинами стали осинки,
Лепечут: «Всё мирно, всё слаженно.

Прихожий, прохожий,
Не стой, выстывая под тучами:
Не надо, не надо тревожить
Могилы глазами горючими.

Им выситься долго,
Их горького долга твоё не касается...».
Но давнее—взяло! отволгло!—
Как ливень слепой, разгорается.

Поляна за кромкой,
Как сердце седое—урочище,
Морозище, красный и громкий,
И шмайссера око хохочущее.

И эти осинки—
Прямые, рядочком, одиннадцать.
И заступ в дымящем суглинке,
И ров. И нельзя отодвинуться.

И унтер хрипящий,
Как будто не он—нас, а мы—его!
И рядом, ах, рядом до чащи.
И выдох стелящий :—Мы з Києва-а!..

И всё. Темнотюга.
Ни боли, ни жара, ни холода...
Очнулся я: плакала вьюга
Разгневанно, истово, голодно.

И хлюпало глухо
В груди, рушником запелёнатой.
И все повторяла старуха:
—Сказнённый, а смертью не тронутый!..

Скорбяще глядела,
Крестила усохшими пальцами:
—Пожуй—подходяще для тела.
В картошку б—солицы да сальца бы!..

И ладно ли, худо—
Творила она милосердие.
И тот, кто не верует в чудо,
Уверуй: дышу после смерти я.

И память—живая,
Бессонная, жгучая, длинная—
Стучится, взывая:
Поляна! Поляна полынная!

1945—1963

УДЕЛ

В семнадцатый июнь — в моём запеве лета —
С ума сошла жарынь, рехнулась белоночь.
Я плакал, правя меч, кляня удел поэта,
Но небо и земля горели: «Слёзы прочь!».

А я, как мой Пророк, мечту лелеял тоже:
И врага любить, и милость к падшим звать.
Но... меч в моей руке! Помилуй, правый
Боже:
Любовью надо жить и, значит, убивать?

Звенел калёный зной, как в цель попавший
выстрел,
Дымилась, чуя смерть, бескожая трава;
До дна клонило в сон. Да ночь короче искры.
И жаждали испить душа и дерева...

А может, грех роптать? Мой стон не без
ответа,
И с пролитой крови у жизни спросу нет —
Сбылось: пришли дожди, когда сгорело
лето,
И стала длинной ночь, когда покой отпет.

ПОМОЛВКА

Ты жгла меня, гнала, звала,
Нездешне — Музой — звалась,
Во мне жила, моей была,
А в руки не давалась.
И всё-таки моя взяла.

Ты знаешь, из каких ворот
Жених твой в люди вышел,
Какой огонь прошёл и лёд,
Смекаешь, чем он дышит,
К чему зовёт, куда ведёт.

Ты помнишь, как в сплошных ночах,
В проклятье, в лихолетье,
От горя он чернел и чах, —
Что всю беду на свете
Не вынести на крутых плечах.

И подтвердишь наверняка,
Не мешкая с ответом,
Что не забыла простака
С трофейным пистолетом,
Его немчина-рысака.

Ты видела в лихом году,
Во рву, у пулемёта,
В крови, в пороховом чаду
Писал разведчик что-то —
В аду, у смерти на виду.

Не получил за то наград,
И панихид не надо!
Не угодил я на парад—
Невелика досада.
Как говорят, уж рад не рад...

А нынче я, как всё, иной,
Как все мы—не моложе,
Задумчив, тих, сутул спиной—
Багаж, он крючит всё же.
Всё так, но ты зато со мной.

К тебе спеша ценой любой,
В пути полсчастья выжег;
Что счастье, встретиться б с тобой!
А ты—всё строже, выше.
Ах, Муза, Муза,—вечный бой!

Подумать только: двадцать лет
Горел, к тебе привязан.
И вдруг победа из побед—
Тебя засватал разом!
Не ослепи меня, мой свет.

Ведь вместе праздновать теперь
На свадьбе нашей будем,
Ломиться в запертую дверь,
Стучаться к добрым людям,
И верить в чудо, верь не верь.

Дай руку: душу отворя,
Пойдём зарю аукать;
Не дай мне вопиять «уря»
И «браво» тьме сюсюкать,
И свет чернить не дай зазря.

Пуская трубины дуют в медь,
Грохочут в контрабасы,
Пускай, привыкшие галдеть,
Паяцы точат лясы—
Вели о совести радеть.

И разреши задать вопрос
Тебе, моя невеста,
Простив, что прям он и не прост,
Ответь, скажи мне честно,
Поскольку до тебя дорос:

—Ты, Муза, кто: в ночи звезда,
Минутка-прибаутка,
Мечта, беда?..
—Пожалуй, да:
Родство со мной не шутка.
Я—неизбывная страда.

Одним я—скучная вдова,
Другим—всего забава,
А суженым не трын-трава—
Сладчайшая отравя:
Судьба ль, судья ль—правым-права.

Вот ты, чудак седой, мне люб:
Не сдал, скажи на милость!
А что словцо сорвётся с губ—
Стерпелось, облюбилось:
Ведь ныне редкость—однолюб.

Однако помни: пересуд
Уже водицу мутит—
Чванлив, самим собой раздут,
Хлопочет, рядит-судит:
«С ним Муза жить не будет.

Сорокалетний холостяк,
Куда как дело плохо:
На свадьбе собственной—в гостях.
Сейчас у нас—эпоха,
Теперь модерн—искусству стяг.

Верлибр! Не с кралею рябой
Забавки на трёхрядке...»—
Ты знаешь, Муза, мы с тобой
На веянья не падки.
Вот—сердце! Всё в порядке—
Не утихает вечный бой!

9 МАЯ

Жгла нам души, кровь цедила
Сила гиблая, адская.
Да не всех взяла могила
Горевальная братская.

Вот и я—за что? не знаю,
Чьей молитвой? не ведаю—
Упасён, иду по Маю,
Упиваюсь Победою.

Что с того, что сталь чужая
Жжёт и злится под рёбрами,—
Мне, не ей вода живая
Льётся:—Здравия доброго!

РУССКИЙ УРОК

Поэма

В раскосые зраки Батыя
Ты блазнилась взятой уже.
Россия, Россия, Россия
На крестном своём рубеже!

До Волжских могил от Мамаю—
Война неземной долины,
Атака семивековая,
Беда без суда, без вины.

Во имя любви и воли
Бездонная крови река.
Превыше и горше юдоли
Не ведали даль и века.

Огнища, остроги, курганы—
От Калки-реки до Сестры.
Горят непогасшие раны—
И звёзды горят, и кресты.

Горят россиянские были,
Набатами—всклень и тоской.
Там всякие Митрии были—
Лжедмитрий и Дмитрий Донской.

День прошлый для нови-истории
Не жупел, не чин-господин.
Но намертво розны Григорьи—
Отрепьев и Гришка, мой сын.

Тем зависть душонку изгрызла,
А эти—не души: редут!
Те—ищут корысти без смысла,
А эти—для смысла живут.

Для власти—для рабьего блага,
Те могут себя полонить,
А эти—стрясись передрыга—
Собою тебя заслонить.

Надейся: коль надо—заслоним.
Кому что, сурово решай.
Коль будет—как было!—отстонем.
Но ты и сама не плошай!

* * *

Да встанут противу засилья
И ухарь, и схимник-монах!..
Россия, Россия, Россия,
Купальница в адских чанах,

В «котлах»—и других, и Смоленском...
Страдунья, себе самосуд,
В замшелом «авось» деревенском:
«Всевышний и Сталин спасут!».

Но причудь—«авось»—не спасала.
И жгла ты свои корабли.
Добро, что страшно приказала
(Иначе бы разве смогли?):

«Держаться, держаться, держаться,
Бутылками танки рубя!
Мы—дома: не сметь унижаться!
Последний патрон—для себя!».

—А кто повеленье преступит—
Платить нерасплатной ценой:
Бесчестья и смерть не искупит.
Всё поняли? Рота, за мно-ой!..—

Раз велено—велено, значит.
Вздымай нас! Гони нас! Влеку!
Хоть бой, почитай, и не начат—
Уже подо Псковом враги.

—Да где там под Псковом—у Луги!
—Да это ж куды он припрёт?..
—Неуж мы такой недолугий,
Такой некудышный народ?

* * *

Не зряшно германцы грозили:
Красуха у них за спиной.
Россия... Россия... Россия...
Свет рушится...
—Ро-ота, за мной!—

А поле глухо, да глазасто;
А лес—непрозрим, да ушаст.
В цепи нас—негусто-нечасто.
На дыбе мы. Помните нас!

Спят в холмиках жёгшие танки.
А холмики—сгладит водой...
Народят других россиянки.
Твой кон: ты повенчан с бедой.

И можешь-не можешь—обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа закликает и разум:
Не глина—Отчизна в горсти!

А бой—нешутейное дело,
Осечка—не вечный привал:
«Отвеяша душу от тела»,
Как вещей Бояне певал.

Войне только сто тридцать суток,
А тыща три ста—пред тобой.
И жарок, и злобен, и жуток,
И горестен праведный бой.

То даль ослепительно выгнет,
То высь громобойно угнёт:
Увидит, услышит, настигнет—
Обвалит, наступит, убьёт.

Хоть пусто в петлицах, хоть ромбы,
Отбыть на последнее дно—
От пули, от мины, от бомбы—
Солдату не всё ли равно.

Нет! Сердцу,—хоть чьё там,—пужливо.
И до смерти хочется жить!
Но скошено взрывами жниво.
И поздно собой дорожить.

От гула звенюче и глухо,
И пьяным-пьяно без вина,
С косою Косая-старуха,
И Родина—только одна.

Присудит и к высям, и к безднам;
Кому обелиск позлатит,
Кого наречёт Неизвестным,
И всхлипнет: «Никто не забудь!».

А то ещё в плен закандалит
(И это стрясалось в войну).
И после сама ж не похвалит—
Руки не подаст горюну.

* * *

Разящего Разина сила?
Разящая Разина рать?
Россия, Россия, Россия,
Да сколько же можно сгорать?

Горю я в кострище тревоги,
В Руси и в заморской дали,
Горюя, что люди—не боги,
Всего только чада земли;

Что Божьи созданья беспечны,
Что грешны и грозны они,
Что миги-года скоротечны...
Свет-разум, от тьмы заслони!

Я чую, я слышу, я вижу—
Вчера обернулось в сейчас—
Стреляю, душу, ненавижу.
И кровь, а не слёзы из глаз.

Сгорает душа—не поленья,
Скудея в вертепе огня.
Скорблю я, ползя в наступленье,
И гложет морока меня:

«Не падать бы навзничь с откосов
С глухою боязнью в душе—
Решиться, как Саша Матросов,
На вражьем застыть блиндаже!

Удел не кляня окаянный,
Оставить земное житьё,
Как мних Пересвет покаянный,
Скрестив роковое копье!

Бесслёзно во мгле потрясений
Покинуть возлюбленный край,
Как доблестный Сергей Есенин,
Как светоч Рубцов Николай.

Вовеки судьба однолюба
Прекрасна, хоть грешен, хоть свят:
Не сдаться,—как Смурова Люба,
Как Лека Григорьев—мой брат.

Как в Порхове Костя Чехович,
Повергший захватчиков в дрожь.
Былина: Алёша Попович!
Да разве нас всех перечтёшь?».

* * *

Невольник святого засилья,
Люблю, хоть не знай и не верь,
Россия, Россия, Россия,
Какой уже нету теперь.

Не сказку-мечту зоревую,
Что в сердце до гроба таим,—
Мне жаль её ту, горевую,
Нещадную к детям своим.

Не знавшую зря лицедеять,
Матюжить и до смерти пить.
Ещё не остывшую сеять
Сухую клочкастую выть.

Когда, не бегущие в грады,
Не бравшие в весах зарплат,
Пресвято твои ненагляды
Блюли свой девичий обряд.

И Маньки, Маруси, Манюхи
Не тщились окраской седой.
И хлебы пекли молодухи.
И гриб не считался едой.

И Ваньки, Ванюши, Иваны
Не чаяли в этом вины,
Что носят на краснах сотканы
Не джинсы, а просто штаны.

То было до танцетрясенья—
Юродства под электроштамп.
В те годы грядут потрясенья—
Маньяк изблюёт в мир «Майн Кампф».

Ещё не уползшие в гады,
Не ставшие мразью у рва,
Твои окаянные чады
Не пали в змеятник РОА...

То было, то было, то было—
Крушенье душе: «Ненавидь!».
Разило. Громило. Губило.
Да! мы не могли не любить.

Свою деревенскую ровню
Не волен забвенью предать.
И, пуще всей горечи, помню
Тебя, моя бедная мать,—

Ещё в домотканой рубаше,
Не знавшую Знамени лгать;
Ещё не забывшу на плахе
Персты для Знаменья слагать.

Далёкие годы и лица,
Уплывшая в море вода.
Но прошлое милым глядится
Не только сегодня—всегда.

* * *

Стокровьем закат пересила,
Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия,
А если бы кровь изошла?

А если б разверстая бездна
Пронзила заволжский песок?
Тебе-то, вещунья, известно,
Как в Даль твою впился б Восток.

А вдруг бы себя не хватило?
А вдруг бы да сдали крыла?—
Ведь экая смертная сила
Твою непреклонность рвала!

Всю ночь от потёмок до света,
До самого Солнца-светла,
Ужель не боялась ответа,
Себя сожигая дотла?

Ужели надеялась выжить?
Воскреснуть в назначенный срок?
—Бери неотложней и выше:
Дать нелюди Русский Урок!

* * *

Вдругорядь взгори Хиросима—
И Питер 'сгорит, и Елец...
Россия, Россия, Россия,
Победы терновый венец.

Мамаев Курган ли, Красуха,
Ров сирый ли—вечная боль.
Ужель всеземная поруха—
Грядущего века юдоль?

Коль века безумье—«на грани»
Пребудет владыкой судьбы,
Земля, Апокалипсис грянет,
Исторгнув из чрева гробы.

Вселенская светокончина—
Всегибель творенья Его.
Без дня всесожженья пучина...
И молит душа горево:

«В атомщиков свору несыту
Швырни заклинанье, Земля!...»
Как быти два раза убиту—
Убити два раза нельзя.

И воев, кто в землю положен,
Не дадено дважды сразить.
У Жизни закон непреложен:
Их надо сперва воскресить.

Нельзя повторить сорок первый,
«Смоленский котёл», Ленинград—
Измерить безмерною мерой
Несчётные сонмы утрат.

Нельзя повторить «Дранг нах Остен»—
Клеймёны «паучьим крестом»,
Не те мы теперича ростом
(Хоть люди забыли о том).

Нельзя повторить Нагасаки,
Зане ноне порох не тот.
—Авось перебьёмся без драки...
Нет, люди: «авось» не спасёт!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Николай Никифоров. Из письма разведчика</i>	4
Ратоборцы	5
«Я помню огненную ночь...»	7
Ночлег	9
22 июня 1941	11
Дуня	12
После налёта	13
Отступление	14
Набат	15
Касин Касиных	17
Физик	19
Лихо	20
Постижение	21
Гореванье	23
В плену	24
Непокорство	25
Буря	26
«Поле Молитву твердит наизусть...»	27
Разведчица	28
С донесеньем	29
В немецком поезде	31
Поединок	32
Бабушка	33
Любови Смуровой	35
В новогоднюю ночь	35
Связные	35
Последний большак	36
Плач по Любови	37
В комендатуре	39
День рожденья	41
«На волоске»	43

«Он промахнулся дважды...»	45
Оплошка	46
Сон	48
Брат	49
Мать	50
Трифон	52
Привал	54
Разведка	56
Переход	57
Верность	58
Кабы да пожить	60
На поле боя	62
«На последнем своём берегу...»	63
«У самой траншеи...»	64
Засада	65
Прощанье	66
Контратака	68
Меня ранило	69
Боль	70
22 июня 1944 года	72
«Последний выстрел замирает...»	73
В Егорьев день	74
Победа	75
После войны	77
Красуха	79
Красуха в сентябре 1943	79
Поминок	80
Красуха	82
Сево	84
Заклятье	86
Минуты	90
Путь	92
Память	93

Удел	96
Помолвка	97
9 Мая	101
Русский урок. Поэма	102

**Григорьев
Игорь Николаевич**

НАБАТ

Стихи о Войне и Победе

Редактор капитан В.С. Клёмин, разведчик Плюсского подполья в годы военного лихолетья.

Технический редактор В.Д. Литвянова.

Корректор В.П. Краснопевцев.

Художественное оформление В.М. Мухина.

Сдано в набор 6.02.95. Подписано в печать 27.02.95.
Формат 70×100/32. Авт. л. 3. Тираж 500 экз.
Фотонабор. Печать офсетная. Заказ № 64

«Путь» 194352, Санкт-Петербург, Придорожная аллея, 11.

Отпечатано в типографии МП «Принт», г. Псков,
ул. Новаторов, 3